

материалам автором были посвящены отдельные работы, получившие признание специалистов. В связи с лабораторной посудой заметим, что в некоторых случаях функции сосудов могли быть не столь специализированными. Сосуды № 122, 125, 126 в отличие от «аламбиков» № 123, 124, конечно, могли использоваться в качестве лабораторной посуды, однако кувшин № 122 принадлежит к распространенному типу сосудов, приспособленных для задерживания осадка, а это могло пригодиться не только в научных экспериментах, но и в быту; сосудики же № 125, 126 могли применяться не только алхимиками, но и цирюльниками при кровопускании.

В целом работа Р. М. Джанполадян по своему научному значению, безусловно, выходит за рамки закавказской проблематики. Она станет настольной книгой каждого, кто занимается стеклоделием Кавказа, Византии, Древней Руси, Ирана и Средней Азии.

Б. И. Маршак

D. Renner. Die koptischen Stoffe im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg. Wiesbaden, 1974, 89 S., Taf. I—IV, 1—40.

Каталог коптских тканей Музея Мартина фон Вагнера в университете Вюрцбурга, составленный Доротеей Реннер, представляет собой по существу первую серьезную публикацию названной коллекции. Сведения об этой коллекции появились в печати дважды, в 1897 и 1938 гг., и содержали лишь краткие данные.

Коллекция, сложившаяся в 1894—1906 гг., невелика, в ней всего 57 тканей. Однако счастливой особенностью этого собрания является то, что известно происхождение всех тканей, кроме четырех: 17 тканей, купленные у Р. Форрера, происходят из Ахмима-Папополиса; того же происхождения 18 тканей, приобретенные из коллекции Т. Графа; другие 18 тканей, полученные музеем в дар от Немецкого восточного общества, были найдены при раскопках Ашмуниена.

Уже одно это обстоятельство придает важность коллекции и делает ее публикацию весьма желательной и полезной в первую очередь для всех, занимающихся вопросами определения, датировки коптских тканей. В коллекции нет шедевров, в ней собраны вещи ординарные, не отличающиеся от обычных находок в большинстве коптских некрополей. С известной точки зрения, это даже интереснее, ибо позволяет представить средний уровень ткацкого ремесла коптов.

Каталог состоит из краткого предисловия, введения (с. 1—9), расположенных по хронологическому принципу каталожных описаний (с. 13—84), указателей (с. 85—89) и таблиц с цветными и черно-белыми воспроизведениями всех тканей коллекции. Во вступительной статье автор излагает теоретические положения, на которых основана вся работа, и подвергает всестороннему рассмотрению исследуемый материал. Для удобства предлагаются несколько параллельных группировок тканей: 1) по материалу — лен с шерстью и шелк; 2) по окраске — пурпурные и полихромные; 3) по технике — петельчатые и гобеленные ткани и вязаные изделия; 4) по хронологическому признаку — эллинистическо-римские, коптские и ткани с сасанидским влиянием.

Д. Реннер сознательно избегает вопросов технологии, состава красителей, отсылая читателей к уже имеющимся трудам на эти темы. Подробная библиографическая справка делает излишним повторение опубликованных данных.

Отметив, что большинство вюрцбургских тканей представляет собой фрагменты вещей, разрезанных на мелкие куски для распродажи, и предположив, что другие части тех же вещей можно обнаружить в разных собраниях мира, Д. Реннер провела сравнительное изучение вюрцбургских тканей с экспонатами других хранилищ и доказала единство их происхождения (с. 3—4). Некоторым тканям найдены очень близкие аналогии (с. 4).

При датировке тканей Д. Реннер опирается на наблюдения таких авторитетных специалистов, как Кендрик, О. Вульф, В. Ф. Фольбах и др. Она учитывает также и новейшие методы установления возраста тканей, предлагаемые Дж. Бэковисом, П. дю Бурге и Г. де Франковичем.

Обширный каталог доминирует по объему над вступлением и является, безусловно, самой существенной частью публикации. Аннотации в каталоге строятся по следующим разделам: инвентарный номер, размер, материал, техника, происхождение вещи, описание вещи, узора или сюжета изображения, состояние ткани, подробнейший перечень имеющихся в других коллекциях аналогий рассматриваемому образцу (автор использует материал 24 музеев и коллекций), датировка ткани.

В результате проведенного Д. Реннер исследования вюрцбургская коллекция оказалась теснейшим образом связанной с другими, уже известными собраниями. С другой стороны, рецензируемая работа расширяет возможности определения некоторых, еще не изученных собраний коптских тканей. Издание каталога в том виде, как его сделала Д. Реннер, представляет интерес не только для коптологов, но и для специалистов более широкого диапазона.

При определении тканей Д. Реннер не ограничивается только исследованием памятников ткацкого ремесла. Она учитывает также и памятники других видов искусства, справедливо полагая, что в создании коптских тканей нашли отражение многие стороны единого процесса эволюции современного им искусства.

Р. Шуринова

Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII века. Л., 1975, 351 с.

Рецензируемая книга является продолжением лексикографических исследований Л. С. Ковтун — первая работа под названием «Русская лексикография эпохи средневековья», посвященная лексикографии XI—XVI вв., вышла в свет в 1963 г. Обе книги составляют как бы корпус по истории древнерусской лексикографии.

Тема избрана не случайно. Лексикография представляет собой один из самых ранних этапов в развитии филологических штудий и имеет тесную связь с образованностью. Поэтому исследование Л. С. Ковтун важно для истории русского образования и русской культуры в целом.

Выполнить работу по истории русской лексикографии невозможно без привлечения греческого языка и без византиноведческих знаний, без ориентировки в *instrumenta studiorum* византиноведения. Византийская филология была самым плодотворным разделом византийской науки. Восприняв традиции и методику филологов эллинистического времени, выработанные ими на основе критики античных текстов, византийские филологи расширили круг исследуемых текстов и подвергли филологической обработке произведения раннехристианской письменности. В течение тысячелетнего существования Византийской империи образованные византийцы тщательно сохраняли, собирали и переписывали памятники античной литературы. В 272 г. указом императора Валента в императорскую библиотеку было назначено семь писцов для переписки текстов из ветхих папирусных свитков в новые пергаменные кодексы; вторично такая же работа в широком плане была предпринята в IX в. и продолжалась вплоть до XII в. Сосредоточенная при главном книгохранилище империи, работа по транслитерации текстов проводилась при участии и под руководством видных ученых; в VII в. — грамматика Георгия Хировоска, в IX в. — патриарха Фотия, в конце IX—начале X в. — архиепископа кесарийского Арефы, в XII в. — Евстафия Солунского и т. д. Наивысшего развития византийская филология достигла в XIII—начале XIV в., когда работал Димитрий Триклиний.

Однако византийская филология не была ограничена только критикой текстов. Изучение произведений античной и раннехристианской литературы, разъяснение неясных или испорченных слов и выражений способствовали развитию грамматических и лексикографических штудий. Словарей было много, разнообразного состава и назначения: ономастиконы, толковые словари греческого языка, энциклопедические словари.

После падения империи византийская филология не прекратила своего существования. Большое число образованных греков уже в XIV в. перебралось в Италию; многие греки оставались на территории бывшей империи, где продол-